

МАКИАВЕЛЛИ: ЛОГИКА НАСИЛИЯ – МЕТАФИЗИКА ВЛАСТИ

Явление, которое принято называть понятием Ренессанс, представляет собой бесконечное количество текстов, и потому огромное методологическое значение имеет сам выбор таких текстов.

В нашем исследовании мы будем опираться на произведения Н. Макиавелли – как на автора, которому наиболее удалось выразить смысл ренессансного понятия «действие» и производных на его основе качеств «чистого действия». Самым пагубным Макиавелли считает такое положение дел в государстве, когда, по выражению Данте, государство представляет собой «в суровой буре судно без кормила». Я. Буркхардт в главе, посвященной анализу главной политической идеи, питающей итальянских ренессансных теоретиков – возрождения римского государства – высоко оценивает «удивительный флорентийский ум за то, что в нем соединились “высшее политическое сознание” флорентийцев и историческое и политическое созидание», он даже полагает, что по этой причине Флоренция «заслуживает имя первого современного государства Европы» (С. 66).

Вторым автором, который, на наш взгляд, выражает суть своей эпохи, является В. Шекспир, определивший форму, в которой эпоха репрезентировала себя в наиболее полной форме, сформулировал идеи ренессансного времени – театра как мира.

Не только в произведениях Н. Макиавелли, но и в драмах В. Шекспира доносятся отголоски ренессансной действительности. Это касается и его трагедий, – «Кориолана», «Юлия Цезаря» или его пьес, построенных на материале английских хроник Холиншеда, – и таких, казалось бы «вневременных» произведений, как «Ромео и Джульетта» или «Зимняя сказка», в них отражается борьба семейных кланов, давление на повседневную жизнь тиранической власти, частая смена правящих династий, – одним словом все то, что характеризует политическую неустойчивость ренессансного перехода от средневекового уклада к нововременному социальному устройству.

Идея сопоставления различных исторических материалов принадлежит еще Шлейермахеру, который, по словам филолога Н.Я. Берковского, был настоящим апологетом общения, как в его камерных формах, так и в мировом его размахе. Еще более дерзкую теорию сопряжения разнообразного по содержанию материала высказывает в своей программной работе представитель постмодернистского анализа Мишель Фуко. Розбирая структуру ренессансного мышления, он различает в нем четыре принципа, по которому в эстетике Возрождения конструировалось сходство макро- и микрокосмосов. Это формы сопряженности, со-

перничества, аналогии и симпатии (в паре с уравнивающей ее антипатией). Эти принципы отчасти дают возможность понять, каким образом в эпоху Возрождения можно было сравнивать «все со всем». Любое соседство оказывалось не бесплодным, а продуктивным и полезным, потому что оно направляло исследование в иронически-неожиданное русло, давая тем самым пищу фантазии и воображению.

Кроме того, в истолковании смысла реальности мы опираемся на феноменологическое его понимание, которое заключается в том, что «реальность» – это ничто иное, как формы осознания этой реальности, структуры представления о ней. Они могут быть разнообразными, и тогда совокупная картина мира складывается из intersубъективного опыта реконструирования «жизненного мира». Одной из форм такого воспроизведения реальности является историческая картина мира, другой – философско-теоретическая, третьей – художественно-литературная. В некотором смысле они все уравниваются, и ни у одной из них нет абсолютного преимущества с точки зрения истинностной или единственно объективной репрезентации реальности «как она есть на самом деле», поскольку все они являются только способами описания этой реальности. Именно исходя из этого «феноменологического мотива» нашего исследования, мы считаем возможным сравнивать такие действительно различные формы сознания, какими являются философия и литература, и в одном исследовании, и в едином историческом контексте сопоставлять реальность, осмысленную, с одной стороны, политическим философом Макиавелли, и мир, воссозданный драматургом Шекспиром.

Флорентиец Никколо Макиавелли (1469–1527) жил на столетие раньше Шекспира. Он принадлежал к роду древних тосканских маркизов, вынужденных в эпоху господства торгового и ростовщического капитала приспособляться к новым экономическим обстоятельствам. Макиавелли был из тех людей, которые входили в административный и дипломатический аппарат новых сеньориальных республик, знали оборотные стороны политики, и во всех смыслах могут рассматриваться как практические философы политики. Он служил секретарем Синьории и выполнял при ней сложные дипломатические миссии. Посвятив четырнадцать лет своей жизни практической государственной работе, Макиавелли становится канцлером, и остается на этом посту вплоть до переворота, совершенного Медичи, и утверждения их власти во Флоренции. Обстоятельства его жизни создали бы из него идеального героя трагедии Шекспира. Но его личная реакция на историческую ситуацию – вынужденная политическая эмиграция, уход из практической политики, – не привела к разрыву нравственных и профессиональных интересов, а только придала последнему оригинальное и созвучное времени звучание.

С 1513 по 1519 год, уже после прекращения своей государственной службы в Синьории, Макиавелли работает над «Рассуждениями о пер-

вой декаде Тита Ливия». Основой его рассуждений в этом произведении является «История Рима от основания города» Тита Ливия. С полной симпатией он анализирует опыт древних римлян, который является для него конкретным и идеальным примером политического и гражданского устройства государства. Характерно, что Рим, реальный «вечный» город, долго оставался на периферии тех культурных событий, которые определяли дух новой ренессансной культуры. Тем не менее он всегда был символом канувшего на исходе античности римского владычества над миром, торжества ромейского господства, власти, держащей в повиновении или усмиряющей варварский дух. В этом смысле интересно отношение к Риму, мировой античной столице, пережившей после своего триумфального величия столетия разрушения и упадка, самого уничительного состояния запустения и ничтожества. Рим по-настоящему возрождается только в последнее столетие ренессансной эпохи – в XVI веке, возрождается именно как культурная столица. Таким образом политическая идея возрождения римского государства, трансформировалась в культурную идею Рима как центра искусства, в котором новые художественные творения не уступают великим образцам античности. В анализе современной политической ситуации Макиавелли опирается на исторический опыт Рима. Высоко оценивая спартанское законодательство Ликурга, распределяющее власть между государем, правительством и народом, и невысоко – законодательство Солона, по форме народовластное, но по существу споспешествующее установлению тирании, Макиавелли наибольшие симпатии испытывает к римской государственности. Он первым указал на центральное место политики в социальной практике. Государство для него, равно как и для других политических мыслителей того времени (Томаса Гоббса, Жана Бодена, Джамбаттиста Вико), – высшая ценность, условие и форма организованной жизни народа. Более того, только в рамках сильного централизованного государства возможна какая-то гражданская жизнь. Чтобы выразить эти государственные ценности, следует утвердить такие критерии, которые нельзя свести к критериям морали или веры. Это чрезвычайно важное положение теории государства, поскольку Макиавелли не только возводит политику в ранг науки, но и показывает, что нельзя ее строить на чисто нравственных или религиозных основаниях. В основе политики и науки лежат различные ценности, а потому государственный человек не может быть одновременно человеком нравственным. Именно это основоположение, давшее начало новой науке, политической философии, лежит в основании макиавеллиевского «Государя», и именно потому мораль, в нем заключенная, вызвала столько ожесточенной критики и непонимания. Макиавелли теоретически экспонирует то, что с полным правом можно было бы назвать «политической режиссурой». Она заключается, во-первых, в том, чтобы, целеполагая могущество целого общественного организма,

распределить в государстве роли и воспитать соответствующие гражданские доблести (*virtu*). Следует иметь в виду, что то, что зачастую воспринимается как позиция государственного цинизма или идеология политической беспринципности в рассуждениях Макиавелли, представляет собой обычную практику политиков того времени.

Тем не менее, сразу после опубликования «Государь» попадает в список «Индекса запрещенных книг», и автору посмертно уже предъявляется обвинение в «атеизме, дьявольской лживости, неискренности и коварстве» (цит. по: *Темнов Е.И. // Макиавелли Н. Государь. М.: Мысль, 1996. С. 15*) Затем начинается история антимаккиавеллиевских трактатов («Анти-Макиавелли». И. Жантйе, «Антимаккиавель» Фридриха II Великого, правленный Вольтером и изданный анонимно (цит. по: *Темнов Е.И. // Макиавелли Н. Государь. М.: Мысль, 1996. С. 16*). «По мнению Элиота, переводчики таких вредных авторов – это «змеи, отравляющие английскую нацию», они заслуживают пыток с помощью «стоппадо» и изгнания из страны. (*Yetes F.A. John Florio: thr life of an italian in Shakespear's England. Cambridge, 1934. P. 150-151*)

И только в Энциклопедии французских просветителей это произведение стали рассматривать в свете исторической необходимости. Позднее, в более прагматичные времена, в макиавеллизме стали видеть теоретически реализованное обоснование необходимости объединения Италии, осознание ее интересов, а также необходимости противостояния как Империи, так и иноземной экспансии.

Еще одна чрезвычайно важная идея «Государя» состоит в необходимости социальной и политической режиссуры. Макиавелли не сформулировал окончательных принципов в их «органической экспозиции», но достоинство его произведений состоит именно в изобилии идей, в возможности их свободного экспонирования. Цели, средства, закономерности исторических событий – вот широкий проблемный контекст его политической доктрины. Главный вопрос – о политическом искусстве, власти, политике как способе распоряжения властью. Перечислим только некоторые из проблем, которые он рассматривал в своей теории: условия расцвета государства, причины его упадка, закономерности в политических превращениях истории, роль правителя в судьбе государства, причины стабильности власти, отношение государя и государства, соотношение закономерности и случайности в исторических событиях, применение насилия в политике, организация вооруженных сил, не зависящих от интересов союзников и покровителей, динамика политических отношений, психология правителя, проблема завоевания, удержания и использования власти, политическое искусство.

Будучи совершенно равнодушным к антикварным древностям Рима (В седьмой книге «О военном искусстве» Макиавелли пишет о «воскрешаемых мертвых вещах: поэзии, живописи, скульптуре»), он очень тре-

петно относится к идее «воскрешения» римского государства. Идея Возрождения у него – это не поворот к античным искусствам, но осознание идеи Великого или даже Вечного Рима. Макиавелли, однако, последовательный противник идеального, отвлеченного от жизни теоретизирования: «кто оставит в стороне то, что есть для изучения того, что должно быть, скорее придет к гибели, чем к спасению» (30). Таким образом, вопрос о том, на что должен опираться государь с своей реальной деятельностью, – на то, что есть или на то, что должно быть, – для Макиавелли является праздным. Еще одна черта философии политики Макиавелли состоит в том, что во всем сказывается его стремление повлиять на конкретную историю, изменить во что бы то ни стало политическую ситуацию, коль скоро она неблагоприятно сказывается на общей государственной идее. А. Грамши отмечал как характерное качество Макиавелли, что он «теоретизировал в Италии то, что в Англии было совершено Елизаветой, в Испании – Фердинандом Католиком, во Франции – Людовиком XI, в России – Иваном Грозным» (цит. по: *Темнов*, 30). До Макиавелли трактаты о государях писали такие литераторы, как Джованни Джовиани Понтано, Пьер Джакомо Дженнаро, Джуниано Майо, Диомеде Карафа, Бартоло Сассоферато, Леонардо Бруни, Колуччо Салютати (*Темнов*, 28).

Исследователь Джвилегов полагает, что «в сравнении с его конструкциями кажутся детским лепетом не только чисто этические этюды Петрарки и Солютати, но и сравнительно зрелые, тронутые и социологическим прозрением, и политическим анализом рассуждения Бруни, Поджо, Понтано» (567 – Макиавелли Государь).

Буркхардт отмечает: «Удивительный флорентийский ум, одновременно трезво-рассудительный и художественно-созидательный, непрестанно формировал политическую и социальную ситуацию и так же непрестанно описывал и оценивал ее» (*Буркхардт*, С. 66). Похвала Буркхардта, несомненно, относится в первую очередь к Макиавелли. По оценке Гегеля, «Государь» является «истинно великим творением подлинно политического ума высокой благородной направленности» (*Гегель*. Политические произведения. М., 1978. С. 152). Эта похвала Гегеля весьма примечательна. Макиавелли в своей политической доктрине очевидно исходит из глобального интереса целого, в пользу которого приносятся жертвы всех составляющих это целое частей и элементов. Если последние принимаются в расчет то только потому, что их коррелятивное вмешательство в ход развития событий может нанести урон целостному организму. В Макиавелли выступает противником аристотелева «правила «золотой середины» в проектах реформ и одобряет позицию древних римлян, которые «всегда избегали среднего пути и общались к крайностям». Его политическим идеалом были не олигархические республики (как у Гвиччардини для Флоренции) и не конфедерации таких республик, а региональные абсолютистские государства типа Великого герцогства

Госканского. Потому, хотя симпатии Макиавелли и направлены на республиканский Рим, в целом он выступает приверженцем политики деспотии и диктатуры. Его политическому театру не хватает многоголосья, выражающего истинную, многообразную структуру мотивов, целей поведения членов того общества, для которого создавалась модель наилучшего устройства. В этом отношении макиавеллиевский образец идеального государства состоит в родстве с конструкцией паноптикума, описанного Бенджамином Бентамом. Исследователи отмечают влияние Макиавелли на «малых отцов современной социологии» среди которых Э. Дженнингс, который пишет об авторитарном управлении «элиты львов» и компромисном «элиты лис», В. Парето, сопоставляющий «объективные» и «субъективные» феномены, Ницше, Вебера, Сореля, ценящих «эффективную политику управления» более, чем умеренные «представления о ней». В США в 40-е гг. Дж. Бернхэм возглавил так называемое макиавеллистское направление. Влияние Макиавелли прослеживается на теории элит, основным положением которой является убеждение, что основные политические отношения разворачиваются между элитами – меньшинствами, удерживающими власть, и меньшинствами, стремящимися к власти.

Тем не менее, несмотря на усилия Макиавелли превратить политику из утопической в опытную, прогнозируемую и режиссируемую, он остается идеалистом, и происходит это именно потому, что в своем политическом театре он приносит частный интерес и аргументацию этого интереса на алтарь общей «государственной» пользы. И несмотря на то, что во многом его можно противопоставить целой плеяде гуманистов с идеально-утопическими проектами государства – Салютати, Бруно, Верджерио, – в определенном смысле и сам макиавеллевский «Государь» остается тоже «своего рода утопией», ориентированной на успех верховного властителя. И потому явление, которое мы называем «макиавеллизмом», остается «символом идеального кондотьера», – как замечает исследователь Е.И. Темнов. Государственный человек – это всегда политик одной идеи, которой подчиняется все прочее.

Разумеется, что если высшей ценностью является не личность, а государство, это не может не сказываться на понимании нравственного порядка и не может не вносить коррекцию в смысл, который вкладывается в содержание понятия «добродетель». Государь – это человек «длинной воли». Его политика, встречаясь со множеством различных общественных интересов, не может не подвергаться корреляции, но в то же время основным мотивом, руководящим его деятельностью, остается идея сильной власти, ее стабильность и незыблемость. Именно здесь государственный интерес тесно сплетен с личным благополучием и даже личной безопасностью государя.

Отсюда происходит «та загадочная смесь совести и эгоизма», которую «современный человек сохраняет и тогда, когда лишается, по своей

рого сейчас чувствуется негативные коннотации с гордыней и властолюбием, современники Макиавелли оценивали как главное качество доблести, несмотря на то, что такое чувство чести «уживается с большим эгоизмом, громадными преступлениями и способно на самые чудовищные обманы; но и то благородное, что еще уцелело в личности, может примкнуть к нему и черпать новые силы из этого источника» (298).

Мотивацией государственного человека не может не быть честолюбие, потому что это именно та действенная сила, которая является причиной львиной доли деятельности государя.

«Человеку, который дорожит честью, удастся все; его не удержат ни заботы, ни опасности, ни расходы. Я испытал это сам, а потому могу об этом говорить и писать; мертвые и пустые все поступки людей, которыми не двигает эта могучая сила» (297-298).

Конечно, у итальянцев эпохи Возрождения иногда трудно отличить чувство чести от непосредственной жажды славы, в которую оно зачастую переходит; и все-таки это совершенно разные вещи» (298). Что касается конкретных источников и стимулов политической воли, то чаще всего в своих произведениях Макиавелли использует понятия «*necessita*» – необходимость, «*fortuna*» – судьба и «*virtu*» – доблесть. Именно последняя вносит корреляцию к необходимости как способу участия в собственной и чужой судьбе. Доблесть может направить судьбу, как полноводный поток в нужное русло. Доблесть отличает людей, которые на исторической сцене играют «первые роли»; это граждане, имеющие реальный доступ к власти или личности, обладающие «политической волей». Они отличаются от той аморфной и безликой массы, которую называют народом. Но есть еще один герой в политических сценариях Макиавелли. Это символический персонаж, точнее – персонафицированное понятие, – государство.

Понятие о добродетели сближает таких разных ренессансных мыслителей, как Данте и Макиавелли. Последний испытывал глубокую симпатию к Данте за его веру в богоизбранность римского народа, который благодаря своей добродетели возвысился над остальными народами, создав республиканское правление, подготовившее в период владения Августа пришествие в мир Христа. Данте, как и Макиавелли, полагал, что божественная миссия римского народа и присущая ему доблесть способствуют возрождению Италии, в противовес разрушающейся священной империи и католической церкви. Характерно, что такой внимательный историк Ренессанса, каким был Я. Буркхардт, хвалит Данте за то, что обычно вызывало сожаление у других исследователей, – за его политическую состоятельность: «Какой политик, выпестованный родиной и изгнанием! Он излил свое презрение к бесконечным политическим экспериментам и реформам в чеканных терцинах, которые оста-

путь в пословицах и будут уместны везде, где только произойдет что-нибудь подобное тогдашним итальянским событиям <...> Нам порой трудно следовать за теми или иными из этих аргументов, но Данте с его страстностью они кажутся очевидными» (67).

В своем произведении «Культура Италии в эпоху Возрождения» Я. Буркхардт выражает позицию, близкую макиавеллиевской. Первая глава, этого, ставшего классическим, произведения называется «Государство как произведение искусства». Называя итальянские государства произведениями искусства, он имеет в виду их происхождение: в отличие от государств, складывающихся постепенно из родоплеменных объединений, либо из соотношения политических и военных сил и их противостояний, итальянские государства имели «идеальный» характер. «Так как большинство государств Италии в своем внутреннем устройстве были произведениями искусства, т.е. сознательными, зависимыми от рефлексии, основанными на точно рассчитанных очевидных принципах говорения, то и их отношения друг к другу и к чужеземным государствам не могли не быть произведениями искусства» (Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. М.: Интрада, 2001. С. 75).

Буркхардт выделяет из ряда теоретиков государства именно Макиавелли, направляющего свои усилия главным образом на конструирование теории сильного государства: «Из всех, кто мнил себя способным сконструировать государство, Макиавелли, бесспорно, величайший. Вредила ему не ложная гениальность и не превратное толкование понятий, но пылкая, с трудом сдерживаемая им самим фантазия. Его политическая объективность порой ужасает своей откровенностью, но она возникла во времена крайней нужды и опасности, когда люди с трудом верили в право и отнюдь не предпочитали справедливость всему прочему. Добродетельные протесты против этой объективности не производят особого впечатления на нас, привыкших в наш век к столкновениям разнообразнейших сил. /.../ Но как бы далеко, по обыкновению многих, он ни заходил в своих речах и поступках, — благо государства было всегда его первой и последней мыслью» (С. 72). Правда, обращаясь как разгаки к политической философии Макиавелли, Буркхардт как будто бы подвергает сомнению саму возможность «государства как произведения искусства». Он пишет: «Присущее нашему времени ошибочное мнение, что политический уклад можно *сделать*, произвести его на свет с нуля, только рассчитав баланс сил и направлений, всплывало во Флоренции в смутные времена вновь и вновь, и даже Макиавелли не был свободен от этой ошибки. Сформировался тип художников от государства, которые надеялись достичь стабильности и удовлетворить всех от мала до велика путем всяческих искусственных расположений и разделений власти, строгим введением сложных цензов на участие в выборах, созданием мнимых органов власти и т.п.» (С. 72).